

---

## ПО СТРАНИЦАМ СИБИРСКОЙ ПЕЧАТИ

---

Н.А. БУШИНА

### СОЦИАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ РАБОЧИХ НА ЗОЛОТЫХ ПРОМЫСЛАХ В ОСВЕЩЕНИИ СИБИРСКОЙ ПЕЧАТИ

К концу XIX в. золотопромышленность становится главной отраслью добывающей промышленности Сибири. За несколько десятилетий сибирская золотодобыча затмевает вековую славу уральской сокровищницы драгоценного металла.

Развитие отрасли, имеющей огромное значение не только для экономики региона, но и страны в целом не могло остаться незаметным для местной печати. Газеты являющиеся барометром общественной мысли Сибири старались освещать на своих страницах все сколько-нибудь заметные события, происходившие в золотопромышленности.

Широкое освещение на страницах сибирской печати получил вопрос о пьянстве рабочих на золотых приисках, и это не случайно. Крайне тяжелые физические нагрузки в течение рабочего дня, дискомфортные бытовые условия в устроенных на скорую руку бараках-казармах, напряженная атмосфера общения в замкнутой среде обитания усиливали традиционную тягу рабочих к алкоголю. Как свидетельствовали многочисленные публикации, просьбы и прошения рабочих о разбавлении сухого режима дозволенной чаркой водки перерастали в упорные требования и обращались в саботаж, неповиновение, побеги, приготовление самопального дурмана. Пойманные и возвращенные на прииск беглецы нередко в свое оправдание говорили, что если бы им позволялось принять чарку водки, незачем было бы бежать с приисков.

Местная пресса приняла активное участие в обсуждении этой проблемы. Она размещала на страницах газет множество публикаций о бесчинствах рабочих в пьяном виде. Сибирская печать рекомендовала хозяевам приисков организовать ежедневную выдачу водки каждому работнику для подкрепления сил. Эта мера уладила бы работников и уменьшила тайную продажу спирта (*Из северных енисейских промыслов // Сибирская газета. 1884. № 37. С. 946*)

На страницах сибирской печати составной частью вопроса о пьянстве и разгуле рабочих стала проблема тайной продажи спирта. Для борьбы с пьянством и спиртоносами сибирская пресса предлагала поставить хорошую администрацию, прекратить расчет на приисках (*К вопросу о золотопромышленности // Сибирь. 1876. № 46. С. 1*), разрешить устройство кабаков и других «злчных мест» на расстоянии не менее 30 верст от ближайших приисков и увеличить вознаграждение за подъемное золото

(О мерах против спиртоносов // Там же. 1884. № 48. С. 2–4). Однако эти меры были недостаточны, спиртоношество превратилось в хорошо отлаженную систему, широко распутившую свои сети. Казенная норма, после которой «не пьян и не трезв», не утоляла, а лишь распалая жажду пьющих. Для «подкрепления сил» требовалось много больше.

Крестьянское население местностей сопредельных с приисковыми зонами быстро осознало новое поле деятельности, дающее выгоду. Подпольное винокурение и контрабандная торговля самогоном были поставлены на широкую ногу и превратились в высокодоходные статьи крестьянского бюджета (*Еще о значении золотопромышленности для Сибири // Там же. 1886. № 51–52. С. 4–6*). За бутылку спирта в 30–40 градусов брали от одного до двух рублей, а так как из ведра спирта получалось 30–40 бутылок, доход составлял от 40 до 80 р. (в Енисейске ведро спирта стоило 10 р.) (*Енисейская золотопромышленность // Сибирская газета. 1886. 19 окт. С. 1184*)

Как сообщала местная пресса, спиртоносы прокладывали надежные маршруты к местам встречи с покупателями, щедро платившими золотом. Если в первые годы развития золотого промысла спиртоносы доставляли спирт на прииски бочками и сбывали его рабочим большей частью через караульных, то с ростом добычи золота спиртоношество приобретает другие формы. Это уже были не одиночки, снующие с прииска на прииск в надежде продать спирт, а группы людей, хорошо представляющие свою цель.

Исключительно высокая надежность прибылей от нелегальной винной торговли подвигла некоторых из них на оформление совершенно бездоходных участков, причем рабочие этого фиктивного прииска занимались спиртоношеством, а скупленное ими золото записывалось в книгу как выработанное (*Там же. С. 1185–1186*).

Сибирская печать сообщала о безуспешной борьбе с пьянством и спиртоношеством. Прибыли были так высоки, что золотопромышленники, сами страдающие от пьянства открывали питейные заведения на территории прииска и продавали спирт в неограниченных количествах. Местная пресса утверждала, что для борьбы с пьянством нужны были совместные усилия золотопромышленников, местных властей и рабочих, и, пока эти стороны не договорятся, ждать изменений в решении этого вопроса не приходится.

В то же время, местная печать, находясь на принципах объективности, считала своим долгом отметить, что распространению пьянства способствует не только равнодушие местных властей и золотопромышленников, но и страстное желание предаться кутежу самих рабочих. Обратный путь домой превращался в один большой загул. Большинство сибирских корреспонденций указывало на то, что 10 сентября справедливо считали днем великого застолья. Окончание сезона превращалось во всеобщее пьяное разгулье. Первые ненормированные дозы спирт-

ного принимались в ближайших деревнях на маршрутах выходов с приисков. Жители деревень заблаговременно и обстоятельно готовились к приему незваных, но желанных и богатых гостей (*Ламин В.А. Золотой след Сибири. Новосибирск: Наука, 2002. С. 87*). В первой деревне угощались водкой вдволей, но все же на скорую руку. А затем стремились добраться до настоящих злчных мест с искрометным шампанским и готовыми ко всему женщинами.

Наиболее известно из публикаций село Витим, оно было первым населенным пунктом, в который заходил пароход, развозивший рабочих с резиденций после расчета. В Витиме на 124 крестьянских дома приходилось четыре винных склада, два трактира и до сорока кабаков, явных и тайных. Рабочие, попадая сюда, становились добычей питейных заведений и нелегально действовавших под их крышей борделей. Жители этого селения как сезонного урожая ожидали рабочих, и это время для них было временем тяжелых непокладных трудов, потому что приискатель был польцем и кормильцем. Жители села целый год могли ничего не делать, пользуясь тем, чем поживились за время недельного пребывания приисковых рабочих (*Из приисковых легенд // Сибирь. 1886. 5 апр. С. 9–21*).

Завидя пароход, толпа высыпала на набережную. Старые и малые, мужчины и женщины встречали дорогих гостей. Питейные заведения исполняли любой каприз богатых клиентов. Вино лилось рекой. Цены на спирт, поначалу невысокие, по мере разогрева пьяной толпы повышались втрое, а то и вчетверо. Местная пресса указывала на полное падение нравов в среде рабочих после окончания работ. Энергия воздержания после окончания промывочного сезона обращалась в групповые изнасилования, оргии с кабацкими певичками и танцовщицами, цена на услуги которых взлетала выше золота. Вокруг денежных и разохотившихся мужиков мгновенно возникала свита жаждущих выпить и закусить за чужой счет. Сами же рабочие старались перещеголять друг друга в растрате денег. Одни заказывали себе извозчика из местных жителей или менее удачных собратьев и ездили на них верхом, как на лошади, другие требовали вин, о которых случайно слышали на приисках от хозяев: мадеры, хересу, шампанского (разумеется, вместо них получая сивуху, подправленную специями), третьи покупали местным женщинам конфеты и наряды по невысказанным ценам (*Медико-статистическое отчет // Енисейские губернские ведомости. 1862. 18 июля. С. 84*). Глубокой ночью кабацкий кутеж перемещался на заранее приготовленные квартиры. Для некоторых веселившихся пьяные оргии уже на этом этапе заканчивались полным пропитием заработка, одежды и обуви. Спившихся до бессознательного состояния рабочих местные жители доставляли на крыльцо полицейской управы или сбрасывали в Лену с удавкой на шею. Ледники Витима в это время были полны трупами.

Таким образом, все, что зарабатывалось в течение года, проматывалось в 3–4 дня и рабочий был вынужден снова наниматься к золотопо-

ромышленнику. Это в лучшем случае, многие же исчезали навсегда в темных водах Лены.

В то же время сибирская печать стремилась привести общественность к убеждению, что именно золотопромышленность развращает рабочих. Она подчеркивала, что рабочие, несколько месяцев не видевшие ничего кроме тяжелого труда и «скотского» обращения, попадая в руки гостеприимных хозяев, за день спускали все добытые непосильным трудом деньги. После этого все надежды о строительстве новой избы и покупке скота рассыпались в прах, и не было другого выхода, как снова напиться и наняться на прииски, или же нищим воротится домой, со стыдом и срамом (*В Витим // Там же. 1878. 26 марта. С. 4*).

Сибирская печать старалась показать, что массовое пьянство оборачивалось тяжелой бедой для рабочих. Огромное число, оставшись без единой копейки, вставало на путь бродяжничества и воровства. Семьи же, не дождавшись ни заработка, ни кормильца, оставались без средств к существованию (*Енисейск // Восточное обозрение. 1882. № 36. С. 4*). Местная печать для того, чтобы уменьшить разгул, призывала золотопромышленников, во-первых, ослабить бремя гнета, во-вторых, обеспечить уход с приисков под надзором казаков, изолировавших рабочие группы друг от друга и пресекающих возможные безобразия.

**Д.Н. МУРАВЬЕВ**

## **ОСВЕЩЕНИЕ ПРЕССОЙ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕФОРМАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (1985–1991 гг.)**

Апрельский пленум ЦК КПСС 1985 г. принес много нового в жизнь советских граждан. Изменилась политическая обстановка в стране, намечились преобразования в экономической сфере. В условиях усиления гласности приобрела новые элементы и общественная жизнь.

Одним из самых распространенных явлений общественной жизни второй половины 1980-х гг. в СССР стало появление разнообразных независимых от государственной и партийной власти общественных объединений, так называемых неформалов. «Первоначально неформалами называли широчайший спектр неконтролируемых партией и государством общественно-культурных молодежных инициатив от филателистов и рокеров до панков и хиппи. В дальнейшем на авансцену общественного движения вышла политизированная часть неформального мира и слово «неформалы» переключалось на них» (*Шубин А. В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2005. С. 122*).

Большинство подобных течений зарождалось «в рамках сферы свободного времени и интеллигентно-молодежной среды» (*Малютин М.*